

В ночь со 2 на 3 мая казаки вышли в свой последний поход через Альпы. Он оказался очень тяжелым и сопровождался боями с партизанами.

В первый день Пасхи – 6 мая почти все казачьи части пересекли итальянско-австрийскую границу и вышли в район Обердраубурга, здесь духовенство совершило Пасхальную заутреню. К 10 мая Казачий Стан достиг г. Лиенца и расположился по станциям на правом берегу реки Дравы, а Епархиальное Управление – на левом. 18 мая в долину Дравы приплыли англичане и приняли капитуляцию Стана. Казаки сдали почти все оружие и были распределены по нескольким лагерям в окрестностях Лиенца. Их дальнейшая судьба оказалась трагической. В феврале 1945 г. Сталин добился от Рузвельта и Черчилля согласия на выдачу всех бывших граждан СССР. Однако союзники выдали на расправу и часть русских эмигрантов. Первоначально – 28 мая – англичане задержали и передали НКВД около 1500 офицеров Стана.

После ареста офицеров единственной войсковой организацией в лагерях Казачьего Стана осталось духовенство. С пяти утра 1 июня, на которое было намечена репатриация, 27 священников начали исповедовать желающих. Их было так много, что когда подошли крестные ходы из станиц, 16 священников продолжили исповедь, а остальные начали Божественную литургию. Когда литургия достигла момента причащения, появились английские войска. После этого началась расправа. Сопротивлявшихся казаков избивали и кололи птыками, пытаясь загнать в машины, было много убитых и раненых. Вскоре английский танк сломал помост, опрокинув престол и жертвенник, были порваны и поломаны церковные хоругви и утварь. Таким образом, богослужение прекратилось. Многие певчие и некоторые священники были схвачены и брошены в машины. В пятом часу дня, увидев, что сопротивление казаков сломить не удалось, нападавшие предложили прислать одного человека на переговоры. Выбор пал на священника Анатолия Батенко. Он сумел доказать англичанам, что значительную часть казаков составляют эмигранты «первой волны», не подлежащие выдаче в СССР. После этого расправа прекратилась. Однако все уже захваченные казаки и члены их семей были выданы органам НКВД, в том числе ряд священников. Кроме того, много казаков погибло в ходе расправы или покончило жизнь самоубийством [2].

Выдача обитателей Стана продолжалась до середины июня 1945 г., к этому времени из окрестностей Лиенца в СССР было депортировано свыше 22,5 тыс. казаков и кавказцев, в том числе как минимум 3 тыс. старых эмигрантов, около 700 человек погибло во время кровавой драмы 1 июня. Почти все выданные казаки были отправлены в лагерь, где значительная часть из них погибла. Генералы П. Н. Краснов, А. Г. Шкуро, Т. И. Доманов и Султан-Гирей Клыч были казнены в 1947 г. в Москве. Уже в 1945 г. на месте захоронений сотен жертв кровавых событий 1 июня было создано кладбище из нескольких братских могил, где ежегодно совершаются панихиды. 25 мая 2005 г. в Инсбруке была открыта выставка, посвященная трагедии казаков в Лиенце.

Архивные материалы

1. Синодальный архив РПЦЗ (СА). Д. 49/44. – Личное дело Николая Автономова.
2. СА. Д. 50/44. – Переписка митрополита Анастасия (Грибановского).
3. СА. Д. 48а/44. – Протоколы Архиерейского Синода РПЦЗ.
4. Institut für Zeitgeschichte München, MA 1042, Bl. 1120.

СМЕРТЬ НА ВОЙНЕ ОТНОШЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ КОМБАТАНТОВ В XX ВЕКЕ

В XX веке огромное количество людей столкнулись со смертью в таких формах и количествах, что это стало основой изменения менталитета всего человечества. Одним из факторов, способствовавших возникновению нового отношения американцев к смерти, стала более активная военная деятельность США. В Первую мировую войну США потеряли 0,12% населения, во Вторую мировую – 0,34% всего населения. Потери Корейской войны составили 0,04%, Вьетнамской – 0,03%, войны в Персидском заливе – 0,0003% всех американцев.

По мнению историка и культуролога А. Тойнби [11, р. 131], смерть чужда американским обычаям и понятиям, так как если признать смерть как существующую реальность, тогда США не могут считаться «земным раем» (одно из основных положений веры в «американский образ жизни»). Однако и в Америке смерть становится все более и более заметным фактом.

Смерть на войне отличается несколькими признаками, среди которых – насилие, жестокость, внезапность, молодой возраст жертв (в основном мужчин), двойственный характер гибели (героический и негероический), удаленность от дома и родных, присутствие как явного факта повседневной жизни, а не «квазифилософской фразы» и т. п. Все это определяет особое место феномена смерти на войне и ее потенциал в возбуждении эмоций большой силы.

В американском обществе, жившем в относительно мирных условиях, сложилось эмоциональное отношение к смерти на войне как к чему-то высокому, благородному, почти священному. В романе «Нагие и мертвые» Н. Мейлер (который служил в армии во время Второй мировой войны и писал о том, что испытал лично) много страниц посвятил описанию «романтического обращения к неминуемой смерти», что было общим чувством среди молодых офицеров [1, т. 1, с. 276]. Когда американские почти еще мальчишки поступали добровольцами в армию, часть из них действительно мечтала стать героями (около 70% всех американских военных, бывших во Вьетнаме, пошли служить туда добровольцами) [5, р. 77–78; 2, р. 75; 6, р. 5].

Но затем реальность войны порождала новые эмоции. Комбатанты осознавали существование простого, но болезненного факта – что война влечет за собой ужас смерти, понимание, что власть смерти переполнена страданием, осознанием конечности существования и угрозой разрушения. Как писал ветеран Вьетнамской войны Ф. Капуто в своей книге «Слухи войны», «мы узнавали о смерти в том возрасте, когда принято думать о себе как о бессмертных» [6, р. XV].

Среди факторов, повлиявших на изменение чувственного отношения к смерти, были массовый характер войн XX века, который сделал их «безмянными»; технология, превратившая человека в часть «машины для убийства»; географическая протяженность театров войны; противоречия между биологическим и социальным возрастом комбатантов. Сначала для многих американцев смерть представляла как нечто теоретическое, что-то отдаленное от реальной, настоящей жизни. Но, оказавшись перед лицом факта, что в каждый момент он может умереть или потерять своего друга, находясь вдали от дома, вдали от всего, что составляло смысл жизни, комбатант ощущал ужас. Ужас становился особенно сильным, когда воин видел смерть, связанную не столько с боем, сколько с условиями жизни или окружающей средой. Многие солдаты умирали от укусов змей и насе-

комых, от дизентерии, отравившись едой или водой, офицеры погибали от фрагте, и т. п. [10, р. 35–36]. Когда американский солдат отсылал тело своего друга домой в мешке для мусора, когда он видел жертвы от огня своих собственных войск или фрагте, когда «славная смерть в бою» на самом деле была результатом нападения вьетконговцев на солдатский клуб, где все оказались пьяными, или когда он видел раненых в живот – то трудно было сохранить «невинный» взгляд на жизнь и смерть. Глупая смерть порождала вопросы – что не так, кто виноват, и во имя чего умирать.

Новые эмоции по отношению к смерти проявляли себя в новых ощущениях, выраженных даже в физиологической форме. Например, после Второй мировой войны американские оккупационные войска находились в Германии, Австрии, Италии, Японии, Корее и в качестве войск союзников – во Франции и Великобритании. Каждая страна вспоминалась чем-то особенным. И только Япония отмечалась как страна с «запахом смерти» – «мертвые пожарища, мертвые люди, мертвая рыба» [13, р. 312].

Для некоторых молодых воинов смерть скоро переставала быть пугающей или святой просто в силу того, что они до этого не сталкивались с ней в реальности. Капитан А. Брэдфорд вспоминал следующий случай. Во Вьетнаме после боя было много погибших американцев и вьетнамцев. Один американский солдат попросил разрешения подойти поближе, чтобы посмотреть. Капитан спросил, знал ли он кого-нибудь из погибших прежде, и получил ответ: «Хм. Я просто никогда не видел мертвых раньше» [5, р. 178]. 18-летний радист говорил: «Мне нравилось просто сидеть в окопе и смотреть, как умирают люди... Это было как большое кино» [8; 12, р. 66].

Таким образом, во время войны восприятие смерти американскими комбатантами изменялось на почти противоположное. Более того, начинает массово распространяться еще один феномен, который в цивилизованном обществе считается криминальным или патологическим отклонением от нормы – любопытство и жестокость по отношению к мертвым. Когда комбатанты привыкали видеть мертвые тела, они начинали воспринимать их как часть ландшафта, как вещь. Широко распространенная практика «брать сувениры» с мертвых тел, фотографироваться с мертвыми берет начало с Первой мировой войны. До этого времени в понимании европейцев и американцев подобная практика служила характеристикой поведения нецивилизованного, «дикарского» противника – индейцев, буров или различного толка азиатов. Хотя надо отметить, что для некоторых американцев, французов и даже снобистски настроенных англичан «сувениры с мертвецов» и прежде не были чем-то чуждым. Но в XX веке это стало шокирующе обыденным. Во время Второй мировой войны на Тихоокеанском театре боевых действий военные коллекционировали груди захваченных в плен японков. Особенно практика коллекционирования «человеческих трофеев» расширилась во время корейского и вьетнамского конфликтов. Тогда наиболее «любимыми частями тела» стали уши, зубы, пальцы, скальпы [4, р. 26–29]. Во время Вьетнамской войны это приобрело настолько широкие размеры, что главнокомандующий американскими войсками генерал У. Уэстморленд вынужден был издать приказ, запрещающий подобную практику (но, как и многие другие приказы, он игнорировался в войсках).

Такая десакрализация смерти имеет несколько причин. Во-первых, это было естественной реакцией на опасность и страх смерти и пыток, которая особенно типична для молодых и неопытных людей – если невозможно избежать опасности и постоянного давления страха, то они преодолеваются теми же самыми действиями: убийствами, насилием. Во-вторых, научно доказано, что экстремальные погодные условия (постоянная жара или холод, высокая влажность или засуха), грязь, неприятные запахи и шум провоцируют агрессивность. В-третьих, поведение врага, который был не менее жесток, не способствовало смягчению нравов и отношений (например, во время Второй мировой

войны именно японцы были первыми, кто стал вскрывать погребения и использовать их в качестве дотов) [13, р. 140]. В-четвертых, сказывалась использовавшаяся американским командованием «политика калькуляции» в доказательство успешности действия воинской части. В-пятых, «партизанская война» предполагает действие малыми группами, так что на определенный период времени подразделение замещает собой для воина весь мир.

Как отмечал один солдат, воевавший во Второй мировой войне: «Смерть – общий удел всех, и не так велика разница между тем, умереть сегодня или завтра. Но мы все предпочитаем завтра». На войне «теоретически существовавшая смерть» становилась «реально существующей» (в книге Ф. Капуто есть очень выразительный пассаж: «Я ненавижу врага не за его политику, а за убийство Симпсона» [6, р. 231]). И, как выяснилось, в смерти не было ничего героического и сакрального.

Датский религиозный философ, родоначальник экзистенциализма С. Кьеркегор определял три стадии существования, между которыми нет ни развития, ни непрерывности, а только разрывы и резкие переходы: *эстетическая стадия*, в которой человек живет, получая удовольствие от моментов жизни; *этическая*, базирующаяся на стабильности и целостности работы и семейной жизни; *религиозная*, характеризующаяся верой, которая всегда «чудовищная достоверность», то есть трепет, который становится несомненным фактом скрытых отношений с Богом. На войне перед лицом смерти человек обычно обнаруживает себя на третьей стадии – он должен определить свое отношение к смерти, что напрямую связано с религиозными воззрениями человека.

Некоторые солдаты видели в смерти пришествие лучшего мира, где благословение Божье может быть даровано человеку, который в жизни действовал в полную силу своих способностей, подвергаясь невзгодам войны, рискуя ради наступления лучшей жизни. Но существуют свидетельства и обратного – отрицания Бога и отказа от него, что особенно распространено было среди американских комбатантов во время Вьетнамской войны.

Объяснение этого противоречия может быть следующим: с психологической точки зрения человеческая жизнь полна символов, которые делают мир и жизнь понятнее. Как считают психиатры, изучающие посттравматический синдром, для большинства молодежи период от 16 до 25 лет является периодом психосоциального моратория. В это время стабильная и устойчивая структура личности и образ себя находятся в стадии становления. Но для молодых людей, которые сражались на войне, терялась старая система символов и ценностей, которая сформировалась в течение предыдущей жизни, и не было времени, чтобы создать новую. Так как средний возраст американских солдат в Корее и Вьетнаме был 19–21, а в мировых войнах – 24–27 лет, то становится более понятным, почему они начинали сомневаться в Боге во время войны.

В военных условиях традиционные религиозные верования трансформировались в определенные суеверия. Амулеты и талисманы становились выражением особых отношений с потусторонним миром. Особое значение американские комбатанты придавали цифрам. Например, у Д. Эйзенхауэра был набор из семи монет, которые он натирал перед серьезными битвами [7, р. 49]. Американские солдаты верили, что если они живыми вернулись из пяти боев, то выживут и в 25, 30, 50 бою. Захваченный в плен японцами американский военный верил, что если при налете авиации США на японскую территорию он успеет досчитать до 16, то в этот раз не погибнет от огня своих. Некоторые люди вспоминали свои ощущения, касающиеся смерти, окрашенные особой пронизательностью и интуицией. Х. Хегхаймер, стюардесса «Мировых Авиалиний», доставлявших американских военных во Вьетнам, вспоминала: «Наверху трапа был мир, внизу трапа была война. Я видела глаза, полные страха, некоторые полные настоящего

ужаса. И может быть, это звучит бредово, но я видела смерть в некоторых глазах» [3, р. 108; 2, р. 133].

Еще одним доказательством изменения отношения к религии под влиянием угрозы смерти на войне было отношение солдат к капелланам, которые в войсках не пользовались особым уважением. Капелланов называли «Чарли» (в Первую мировую войну), «Святой Джо», «небесный пилот». Фраза «навестить капеллана» означала «дела выглядят не лучшим образом» или «перестань жаловаться»; «церковный ключ» означал консервный нож и открывалку для бутылок; религиозную службу называли «коленная муштра», и т. п. Образ капеллана ассоциировался прежде всего со смертью, и это было одной из причин, почему солдаты не хотели видеть капелланов на поле боя. Очень показательны в этом смысле сюжет из воспоминаний капитана А. Брэдфорда о том, как во время Вьетнамской войны ранили одного из солдат:

«В этом случае, когда рядом был доктор, спокойный и знающий свое дело, у раненого не было никаких оснований впасть в шок, совершенно никаких – до тех пор, пока рядом с ним не опустился на колени капеллан и не спросил: “Помолимся, сын мой?” “Я умираю!” – закричал раненый. Доктор отбросил капеллана в сторону: “Ты, тупой сукин сын! Черта с два, сынок, ты не умираешь. Через месяц ты будешь пыхтеть, преследуя гейш по всему Токио”» [5, р. 25].

Итак, личный опыт столкновения со смертью на войне, и особенно потеря близких друзей, часто заставляли солдат менять свои духовные воззрения, оставляя в серьезных сомнениях по поводу природы их веры и самой религии.

Существует теория («гипотеза Уорфа»), утверждающая, что жизнь человека включает несколько экзистенций, и один из таких миров создается с помощью слов. Американский военный сленг начал формироваться во время Первой мировой войны (до этого он использовался только в Вест-Пойнте, а также существовали прозвища для врагов (наиболее обычным было слово «боло»). Некоторые сленговые выражения связаны со смертью. Медицинский отдел армии Соединенных Штатов (MDUSA – Medical Department U. S. Army) расшифровывался как «многие умирают и ты тоже умрешь» ('Many Die You Shall Also'). «Орден лопаты», «деревянный крест» – мифические награды за смерть в бою; «уйти на запад» – умереть; «мясной вагон» – санитарный транспорт; «постоянный окоп», «постоянный лагерь отдыха» – кладбище; «окоп самоубийства» – первая траншея; «жокей-самоубийца» – танкист; «купить ферму» – умереть. Как в гражданской жизни похоронные службы использовали свой собственный словарь [9, р. 52], так и военные передавали свое отношение к смерти, используя специфические словесные обороты. Психологическое объяснение этого может быть связано со стремлением с помощью сознания вытеснить смерть из мировосприятия, так как вербальная активность связана с сознательным процессом, в то время как страх смерти базируется в подсознании.

Французский демограф и историк Ф. Арьес, разрабатывая теорию систем смерти, определял американское общество как «общество, отрицающее смерть» – смерть не существует в повседневном мировосприятии, она считается неподходящей для существования американского общества, она лишь создает более «сложную» горе. Поэтому умирание и смерть подвергаются организации таким образом, чтобы они служили цели поддержания американской системы ценностей и американского образа жизни. В случаях смерти на войне эта организация выражается в ресакрализации смерти и приведении ее в соответствие с типично американским гражданским восприятием.

Хотя есть много анекдотов (например: «Кем должен быть человек, чтобы его похоронили с воинскими почестями?» – «Он должен быть капитаном». – «Прежде всего он должен быть мертвым»), подчеркивающие человеческую, а не социальную сторону военной жизни, военный – очень ритуализованная профессия. Уважительное отношение к смерти, похоронам придает смысл произошедшим событиям. Телевизионные изображения смерти с показом похоронных маршей или искусные торжественные речи эмоциональных ведущих по поводу солдат, погибших в боях, восхваляемых как «наши храбрые воины», «реинтегрируют» умершего в общество. Ритуальные действия (похоронные или памятные церемонии) традиционно представляли смерть таким образом, в котором эмоции скоординированы, чувства приводятся в определенный порядок, и отношение к индивидуальной смерти выражается в определенной устоявшейся манере. Тогда смерть превращается из процесса личного умирания в дело коллективного возрождения и социального обновления, акцию совместной творческой силы. В таком коллективном представлении смерть как регенерация, как форма обновления служит основой для укрепления веры в бессмертие.

Эти акции военной памяти трансформируют ужас смерти и тяжелой утраты в триумфальное счастливое событие для всей нации. Утверждение, что убитый солдат отдал свою жизнь как «наивысшую жертву за нашу свободу» подразумевает идею смерти как формы дара и пожертвования. Смерть как форма жертвы становится «подарком американцам», поддержкой национальной идентичности. Она становится формой ритуальной традиции, которая позволяет погибшему солдату участвовать в бессмертии нации. Но это просто еще один миф, который может быть разрушен только самими комбатантами, действительно видевшими реальный облик смерти на войне.

Библиографический список

1. *Meйлер Н.* Нагие и мертвые. М., 1994.
2. *Appy Ch. G.* Working – Class War. Chapel Hill, 1993.
3. *Appy Ch. G.* Patriots: The Vietnam War Remembered from All Sides. New York, 2003.
4. *Bourke J.* An Intimate History of Killing: Face-to-Face Killing in 20th Century Warfare. New York, 1999.
5. *Bradford A. S.* Some Even Volunteered: The First Wolfhounds Pacify Vietnam. Westport, 1994.
6. *Caputo Ph.* A Rumor of War. New York, 1996.
7. *Fussel P.* Wartime: Understanding and Behavior in the Second World War. New York, 1989.
8. *In Nam. The Vietnam War in the Words of the Men and Women Who Fought There* (From the film, 1982).
9. *Mitford J.* The American Way of Death Revisited. New York, 1998.
10. *Sides H.* Ghost Soldiers: The Forgotten Epic Story of World War II's Most Dramatic Mission. New York, 2001.
11. *Toynbee A.* Changing Attitudes towards Death in the Modern Western World // *Man's Concern with Death*. London, 1968.
12. *The Winter Soldier Investigation: An Inquiry Into American War Crimes*. Washington, 1972.
13. *Yank – The GI Story of the War*. New York, 1947.